

УДК 13 + 316.3/4

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЯВЛЕНИЙ

С. П. Кушнарченко (Новосибирск)

В статье рассматривается феноменологический подход к исследованию явлений культуры. Указывается, что цель интерпретации произведения культуры – возрождение в собственной деятельности изначальной духовной активности, благодаря которой было создано соответствующее произведение и которая оказалась сокрытой в результате отложения (седиментации) и наслаивания смыслов, приписываемых произведению каждым последующим поколением. Цель образования тогда – воспроизводство не смысла произведения, а способности производства смыслов.

Ключевые слова: феноменология, произведение, смысл, культура, личность, очевидность.

A PHENOMENOLOGICAL METHODOLOGY OF THE ANALYSIS OF SOCIO-CULTURAL PHENOMENA

S. P. Kushnarenko (Novosibirsk)

In the article a phenomenological approach to studying the phenomena of culture is considered. It is indicated that the purpose of interpretation of a product of culture is to revive in one's own activity that primary spiritual activity, thanks to which the corresponding product was created and which was hidden as a result of depositing (sedimentation) and layering of the meanings attributed to the product by each subsequent generation. The purpose of education then is the reproduction of not the meaning of the product as a tradition element but the ability to create meanings.

Key words: phenomenology, creative product, meaning, culture, personality, evidence.

Специфика любого произведения культуры состоит в том, что оно и не только материально, как природная вещь, и не чисто идеально, как, например, объекты геометрии. Другими словами, оно выступает в роли «третьей вещи» – материального предмета, с которым соотносится смысл. Феноменологический метод, разработанный Э. Гуссерлем, предполагает непосредственное усмотрение сущности исследуемой вещи. Любая «третья вещь» имеет в этом плане бытийный характер «феномена», поскольку ее сущностное содержание непосредственно понятным образом явлено в видимом (доступном визуальному наблюдению) ее существовании. Смысл в такой вещи дан непосредственно структурой материальных предметно-

Кушнарченко Сергей Петрович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии факультета гуманитарного образования ГОУ ВПО «Новосибирский государственный технический университет».

630092, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, д. 20.

E-mail: Serg@fgo.nstu.ru

стей, составляющих произведение. Тем самым в феноменологии утверждается, что имеются материальные эквиваленты сущности вещи, в которых эта сущность дана прямо или «с очевидностью». Трудность распознавания интерпретатором предметных «репрезентантов» как материальных эквивалентов внутреннего состоит, однако, в том, что для того, чтобы увидеть их в качестве именно «эквивалентов», а не просто каких-то предметных характеристик вещи, человек должен сам совершить личностный акт.

Дело в том, что культурные предметы – колесо, лук, картина – отличаются от природных вещей тем, что своим естественным порядком они никогда бы не появились, поскольку бесконечно мала вероятность появления их в составе явлений мира. Например, существование наскальных изображений еще в эпоху неолита или предметов, составляющих реквизит шамана, необъяснимо с позиций биологических или физических законов – и потому требует для объяснения своего происхождения иного основания. Они отсылают к бытию человека, выступая его символическим выражением и изображением. В этих вещах-символах, в их предметной структуре закодирована определенная программа действий или структура мышления; они выступают в качестве «оператора преобразования», через который «пропускаются» предметы, с которыми оперирует человек, и которые при этом преобразуются, «обрастая» специфически человеческими смыслами и значениями. Например, кусок кремня обретает остроконечную форму наконечника копья, а часть среза дерева становится колесом (ср. : [1, с. 64]). Особое происхождение и специфический способ функционирования этих «третьих вещей» накладывают свой отпечаток и на их чисто предметную форму. Таким образом, в произведение культуры всегда заложены какие-то интенции, «а интенции, как известно, это не то, что сознание знает, а тот его объект, который мнится, они не еще объект (где-то в зеркале сознания), а уже объект» [1, с. 42]. Мы имеем дело здесь не с рефлексивным содержанием сознания, а с интенциональным. «Интенциональный объект мы не воспроизводим в пространстве рефлексивного сознания, а если воспроизведем, то это будет то, что на негоросло, будет какой-то другой слой сознания, представляющий интерпретацию интенции...» [1, с. 42]. По этой причине описание бытия произведения культуры при помощи понятий может быть полным сокрытием или искажением изначальной интенции. Проблемность данной ситуации заключается в том, что рефлексивной интерпретации подвергается не только смысл, который мы связываем с произведением, но и та исходная позиция или точка зрения, тот горизонт, в рамках которого мы этот смысл выделяем. Интенция, собственно, и есть предметная тематизация предпосылок интерпретации в феноменологии. Понятие с этих позиций является таким же произведением культуры, как, например, картина, художественный текст или научная теория. Определение понятия – не отражение свойств этой вещи в нашем сознании, а способ доступа к бытию этой вещи [10].

Различия в специфике типа понятий, гуманитарных и естественнонаучных, проявляются не на уровне их выражения в виде слова как результата первичного схватывания смысла: «вот человек», «вот камень», – ни-

какой разницы. Различие проявляется лишь на уровне определения. Его форма в гуманитарных понятиях тавтологична, поскольку эти «объекты» – самоосновны, они отсылают к индивидуальному решению личности по поводу принятия тех или иных принципов отношения к миру, которые с момента их принятия *действительно* (а не только «на словах» или «в теории») начинают определять ее собственное бытие (если не определяют, то это значит лишь, то что не был осуществлен действительный акт *решения*). Человек – тот, кто сам для себя определил (решил), что он – человек, а не животное. Душа есть у того, кто полагает, что у него она есть. Добрый – тот, кто верит в добро.

Определение гуманитарного объекта тогда есть либо создание нового произведения, либо новая его интерпретация. Другими словами, в этом случае необходима вложенность личного усилия, ангажированность. В самом определении отсылка к субъекту, дающему определение, присутствует неустранимым образом, и при необходимости всегда может быть эксплицирована более явно и непосредственно. В гуманитарном типе определения, в отличие от естественнонаучного, имеется привнесение жизненного смысла в формальную оболочку понятия. Когда художник вкладывает душу в свое произведение, оно и оказывается способным взволновать наши души. Только тогда, когда рассказчик (например, преподаватель, экскурсовод, историк) живет тем предметом, о котором он сообщает, его рассказ может дойти до сердца и ума слушателей.

К «просто вещи» в произведении культуры добавляется дополнительное предметное содержание, которое выступает квазифизической реализацией человеческого сознания, наших духовных сил и потенций. Э. Гуссерль различает природные вещи и произведения культуры по их способу данности – как предметы рецептивности и умопостигаемые: «Предметы рецептивности предданы в первоначальной пассивности с ее структурами ассоциации, интереса и т. д. Их схватывание – это низшая ступень активности, голое восприятие изначально пассивно пред-учрежденного смысла. Напротив, умопостигаемые предметности изначально никогда не могут быть схвачены в голом восприятии; они пред-учреждены не в чистой пассивности, – а в предикативной спонтанности. Способ их первоначальной преданности – это их производство в предикативной деятельности Я как спонтанной работе» [2, S. 300]. Но специфическое предметное содержание «культурных предметов» в сравнении с природными объектами состоит не просто в наличии некоторых дополнительных характеристик: например, человек – это телесное живое существо, которое к тому же обладает еще и душой; картина – это рама, холст, краски, а к тому же еще и смысл, и т. д. Дело в том, что наличие дополнительного идеально-смыслового «измерения» радикально преобразует исходное вещественно-материальное содержание. Отличие возникает и на чисто предметном уровне: например, мы говорим: «одухотворенное лицо», «гордый взгляд» и т. п.

Хотя все культурные предметы имеют в качестве истока своего происхождения бытие человека, однако не во всех таких предметах подобная отсылка присутствует явно. Например, в естественнонаучной теории описание реальности строится таким образом, чтобы исключить апелляцию к конечному человеческому опыту, хотя все естественнонаучные представ-

ления в конечном счете из него и происходят (ср. : 3, [с. 195]). Что же касается гуманитарной теории, то ее объекты принципиально не могут быть отделены от «наблюдателя», то есть, от самого исследователя, специфические свойства которого необратимым образом «возмущают» наблюдаемые им объекты. Вместе с тем, в силу этой неотделимости оказывается возможным эксплицировать имплицитно положенного субъекта познания, который как раз и выступает специфическим предметом гуманитарных наук. Вообще говоря, практически любое выражение человеческого творчества имеет экспрессивную, личностную составляющую. В гуманитарных науках эта отсылка к личности дана более явно.

Однако в случае даже конкретного имени, связываемого с данной личностью, отсутствует непосредственная связь между особенностями этого имени и свойствами личности (хотя у Флоренского в «ономатологии» и осуществляется попытка проведения данной связи). Как представляет себе это Р. Музиль, личность вообще есть «человек без свойств», – то есть, она имеет непредметную природу. Это касается всех личностных состояний, в том числе и состояния мысли, которое предполагает личный опыт: «одно и то же – мыслить и быть...» (Парменид). Как заметил М. Мамардашвили, «проблема состоит в том, что понятия вообще как таковые не содержат аналитически в самих себе состояний мысли. Состояние мысли всегда есть некоторый дополнительный живой акт, случающийся вместе со значением понятий» [4, с. 143]. Адекватное опредмечивание человеческой субъективности тем не менее должно быть возможным, поскольку существует внутренняя связь между бытием человека и бытием мира. На наличие этой связи указывает хотя бы феномен познания. Как подчеркивает И. Кант, познание было бы невозможно, если бы природа «была дана сама по себе независимо от первых источников нашего мышления» [5, с. 165].

Собственно, отсылка к бытию познающего субъекта становится понятной, если учесть, что само познание движимо определенной целью: через восприятие описания мира человеком способствовать реализации истинно человеческого способа бытия. Ценность познаваемой человеком истины состоит в том, что в этой истине содержится глубочайшее знание о нас самих, о нашем собственном бытии. Неверно утверждать, что бытие личности невыразимо или что это выражение искажает личностное как необходимо «внутреннее» бытие: «мысль изреченная есть ложь...» (Ф. Тютчев). Слово не просто есть наиболее полное выражение личностного бытия, оно есть полностью адекватное его выражение: нет ничего в жизни человеческой личности, что не могло бы быть выражено посредством человеческого слова, – если при этом оно будет использовано в полноте всех своих аспектов – физически-материального (материального), психического, смыслового, бытийно-духовного. Человеческий язык и предназначен прежде всего для выражения личностного содержания. Слово нарушает замкнутость отдельной личности и, выводя внутреннее бытие личности наружу, впервые только и делает его действительным. Дело в том, что бытие человека не есть то, что может быть априорно задано, оно не имеет субстанционального характера. Как говорит Мамардашвили, бытие человека есть акт, а не факт. Или, по выражению Ч. С. Пирса, «слово или знак, которые использует человек, и *есть* сам этот человек

<...> мой язык есть всеобъемлющая сумма меня самого; ибо человек есть знак» [6, с. 92–93].

Сам выбор слова, стилистика используемых выражений имеют четко выраженный индекс принадлежности ко вполне определенной личности. Но, как было сказано выше, принципиально различается выражение личностного, имеющее случайный характер, и выражение осознанное. Последнее встраивает теоретическое как лишь один из моментов в целостный план специфически человеческого действия или поступка. И в этом случае мы сталкиваемся с более глубоким типом рациональности, чем классический идеал рациональности, на который ориентировались начиная с Нового времени естественные науки, – с рациональностью неклассической. Последний тип рациональности отличается тем, что эксплицирует основания самого классического идеала рациональности, а именно, соотносимость содержания познания с бытием познающей личности. И сама рациональность переходит на более высокую ступень. Как говорит М. Бахтин, «поступок более чем рационален, он ответственен» [7, с. 38]. Другими словами, если в естественных науках у нас есть выбор – ориентироваться на идеал классической или неклассической рациональности, – то гуманитарные науки по самой специфике своего предмета исследования существенно неклассичны. Собственно, сама проблема статуса гуманитарных наук возникает только потому, что мы пытаемся рассматривать индивида и общество с позиций классического идеала рациональности, то есть вне личностного аспекта познания.

Феноменология устанавливает первенство индивидуального сознания перед общественным. Даже если индивид помещен в социальную ситуацию, определяющим выступает преломление данной ситуации в сознании данного индивида. И в теории интерсубъективности, развиваемой Гуссерлем в «Картезианских размышлениях», сообщество монад имеет выделенный центр – «лично мое» сознание, которое уже не «Эго», хотя и еще не личность. Первичная тематизация акта сознания завершается введением понятия «трансцендентального субъекта». Однако это понятие сталкивается, как указывает сам Гуссерль, с проблемой солипсизма. Понятие интерсубъективности разрешает данную проблему. В этом случае мы выделяем «подкладку» самого трансцендентального субъекта. И он оказывается уже не изолированным и «одиноким», – а включенным в сообщество монад. Именно благодаря действию интерсубъективности осуществляется конституирование смыслов предметностей и тем самым задается та или иная установка по отношению к миру. Введение интерсубъективности есть наполнение идеального трансцендентального субъекта смысло-жизненным содержанием. Смыслоконституирующей способностью обладает не абстрактный «трансцендентальный субъект», а произведение культуры, точнее, вещественно-предметная реализация «структуры сознания», выраженной посредством этого произведения. Итак, культурные объекты – это такие объекты, в которых присутствует выражение человеческой субъективности. Специфические черты этого класса объектов определяются тогда свойствами человеческой личности.

1. Первое свойство личности – рефлексивность: о личности можно говорить только в том случае, если она сама себя рассматривает в качестве

личности. Но то, что имеет основание своего бытия в себе самом, с необходимостью должно иметь такой структурный элемент, как «произведение в произведении». Это такая часть произведения, которая по своей предметной организации идентична сущностной структуре произведения в целом. Для общества «произведением в произведении» выступает личность. Не случайно уже у Платона проводилась структурная аналогия между устройством общества и строением души отдельной личности, в частности, между сословиями общества и способностями индивида. Но для постижения личности необходима, в свою очередь, актуализация личностного бытия самого исследователя.

2. Второе ее свойство – непредметность: личность – не предмет, не вещь, она скрывает в себе тайну, и именно поэтому, по мнению М. Хайдеггера, требует для прояснения своего существа перехода к экзистенциальной аналитике *Dasein*, имеющей изначально герменевтический характер. Что касается проблемы присутствия в личности тех глубин смысла, которые не выявляются обычными операциями феноменологии, то это совершенно верно. Но не следует забывать, что сама герменевтика может получить строгое обоснование только в рамках феноменологии, и что в общем-то в феноменологии позднего Гуссерля появилась так называемая примордиальная редукция, представляющая собой теоретически строгий подход к духовным феноменам. Другими словами, переход от предметного слоя сознания к непредметному сам поддается тематизации и экспликации. Если посредством создаваемых человеком понятий совершается сам акт, то эти понятия выражают структуру сознания, встроенную в этот акт. Эти понятия рождаются в акте и несут в себе отпечаток живого состояния, выражаемого в соответствующей специфической предметной структуре символического аспекта акта, а именно – произведении. В художественной литературе, например, опредмечивание этого перехода выражается в виде перехода от Эго к Личности, а сам переход в целом схватывается в понятии «моста». Для социума «мостом» выступает процесс взаимодействия отдельных личностей с социальными структурами.

3. Третье свойство, специфицирующее бытие личности, – ее экранированность от внешних воздействий. Личность имеет «свое пространство и время», что эксплицируется в такой структуре произведения, как хронотоп. Роль «хронотопа» в обществе играет социальное пространство-время. Но социальное пространство и социальное время определяются формами пространства и времени обыденного человеческого восприятия.

Таким образом, поскольку все идеи, которые мы полагаем всеобщими и универсальными, в конечном счете имеют источник своего происхождения в актах постижения этих идей конкретными личностями, они неизбежно имеют ограничения, связанные с конечностью человеческого бытия вообще. Более того, тот факт, что некоторое объективно-истинное содержание познается конкретной личностью, имеет существенное значение для самого этого содержания. Как указывает М. Бахтин, «только в себе значимое содержание возможного переживания-мысли, чтобы стать действительно осуществленным и приобщенным этим к историческому бытию действительного познания, должно вступить в существенную связь с действительной оценкой, только как действительная ценность оно пере-

живается мною, мыслится, то есть действительно активно мыслимо в эмоционально-волевом тоне <...> Ни одно содержание не было бы реализовано, ни одна мысль не была бы действительно помыслена, если бы не устанавливалась существенная связь между содержанием и эмоционально-волевым тоном его, то есть действительно утвержденной его ценностью для мыслящего» [7, с. 41]. Эта зависимость истины от человека выражается Э. Гуссерлем в феномене «осаждения» и «реактивации» смыслов. Гуссерль, рассматривая проблему происхождения геометрии, указывает, что чувственная данность геометрических идей, их выраженность в языке, историчном и культурно определенном, являются необходимыми условиями самой сверхвременности и идеальной объективности истины: «как геометрическая (равно как и всех прочих наук) идеальность из своего изначального внутриличного истока, в котором она представляет собой образования в пространстве сознания души первого изобретателя, достигает своей идеальной объективности? [8, с. 89]. <...> Только посредством языка, в котором она обретает, так сказать, свою языковую плоть» [8, с. 112–113]. Последующее вызывание соответствующих значений при восприятии идеи, выраженной при помощи языка, есть пассивное восприятие, поскольку осуществляется благодаря действию механизма ассоциации. Исходно данный сознанию конкретной личности в его непосредственной очевидности смысл получает выражение в виде произведения культуры – например, письменного текста. Однако очевидность всегда связана с соответствующим состоянием личности, – так что в тексте присутствует лишь след акта усмотрения смысла, а не сам смысл, – хотя в принципе по этому следу восстановить исходную данность смысла возможно: «посредством записи осуществляется некоторое превращение исходного модуса бытия смыслового образа, то есть, в сфере геометрии, очевидности нашего свое выражение геометрического образа. Он оседает, так сказать. Но читающий может вновь сделать его очевидным, реактивировать очевидность» [9, с. 221]. Однако здесь возникает дополнительная трудность. Дело в том, что каждое последующее отложение смысла заслоняет предшествующий смысл и тем самым скрывает его – происходит наслаивание смыслов друг на друга. Чтобы выявить изначальный смысл, необходимо последовательное вскрытие всех образовавшихся смысловых слоев.

Ясно, что это требование выхода к первоисточку смысла для его реактивации требует больших усилий, и потому дальнейшее продвижение в данной области науки оказывается проблематичным. И потому для ученого возникает вопрос, «должен ли он, если он делает актуальную передовую работу, сначала пробегать всю гигантскую цепь обоснований вплоть до перво-предпосылок и все это реактивировать?» [9, с. 223]. Как отмечает сам Гуссерль, в этом случае «соответствующая способность изнурилась бы в усилиях по деланию очевидным и была бы вынуждена отказаться от более высокой производительности» [9, с. 224]. Поскольку без выполнения условия отнесения к очевидности все научные утверждения лишаются убедительности и обоснованности, была изобретена своего рода «вторичная очевидность», связанная со специфической активностью. Речь идет о применении некоторого научного положения в деятельности ученого. «Пассивный смысловой образ превращается в образ, формирующий себя в

активном производстве. Таким образом, эта активность есть некоторая – и своеобразная – очевидность, некоторое образование, в ней возникшее в модусе изначальной произведенности» [9, с. 225]. Другими словами, мы воспринимаем некоторое положение как данность, от которой отталкиваемся в последующих рассуждениях. Открытое новое положение тоже принимаем, и уже из него, как истинного, исходим, и т. д. Именно так мы и поступаем в аксиоматически-дедуктивных науках.

Гуссерль замечает, однако, что, несмотря на всю продуктивность такой схемы развития науки, подобное движение, все более отдаляясь от первичных очевидностей, оказывается все более и более сомнительным и произвольным. Изучая, например, науку по учебникам, «вот чему мы там на самом деле учимся: обходиться с помощью строгой методик *готовыми* понятиями и предложениями. Чувственно наглядная демонстрация понятий на начерченных фигурах подменяет действительное производство первоидеальностей» [9, с. 228]. А это приводит, в свою очередь, ко все большему удалению и от идеи науки, изначально призванной к решению именно духовных проблем человека, а не только проблем его материального обеспечения, и от самой идеи истины, поскольку действительное непосредственное соприкосновение с миром в опыте конкретной личности заменяется формальной конструкцией этого опыта. Именно это привело в развитии науки к преобразованию идеи метода как пути к истине в алгоритм, как выполнение заданной последовательности операций. И если первый предполагает и требует личной вложенности духовного начала человека в дело познания, то второй абстрагируется от личности вообще.

Итак, цель интерпретации произведения культуры – возрождение изначальной духовной активности, благодаря которой было создано соответствующее произведение и которая оказалась сокрытой в результате отложения (седиментации) и наслаивания смыслов, приписываемых произведению каждым последующим поколением. И тогда цель образования – воспроизводство не смысла произведения (поскольку этот смысл есть не изначальный, соответствующий первичной очевидности, а смысл осажденный), а способности производства смыслов. В произведении она, в принципе, тоже удержана, но требует собственноличного акта воспринимающего данное произведение человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Мамардашвили М. К.** Классический и неклассический идеалы рациональности. – М. : Лабиринт, 1994. – 90 с.
2. **Husserl E.** Erfahrung und Urteil. – Copyright by Academia Verlagbuchhandlung, 1939. – 480 s.
3. **Мамардашвили, М. К.** Лекции по античной философии. – М.: «Аграф», 1999. – 320 с.
4. **Мамардашвили М. К.** Как я понимаю философию. – М. : Прогресс; Культура, 1992. – 412 с.
5. **Кант И.** Сочинения. – М., 2006. – Т. 2: Критика чистого разума : в 2 ч. – Ч. 2. – 936 с.
6. **Пирс Ч.** Некоторые последствия четырех неспособностей // Начала прагматизма. – СПб. : Алетейя, 2000. – Кн. 1. – С. 48–95.

7. Бахтин М. М. К философии поступка // Человек в мире слова. – М. : Изд-во Рос. открытого ун-та, 1995. – С. 22–67.
8. Деррида Ж. Введение // Гуссерль Э. Начало геометрии. – М. : Ad Marginem, 1996. – С. 11–202.
9. Гуссерль Э. Начало геометрии. – М. : Ad Marginem, 1996. – 268 с.
10. Hogenova A. Body and the phenomenology of movement // Philosophy of education. – 2009. – № 2. – s. 3–13.

УДК 13 + 378 + 316.7

ФОРМИРОВАНИЕ ФИЛОСОФСКОГО МЫШЛЕНИЯ И ЕГО ВЕРБАЛИЗАЦИЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Н. С. Бажутина (Новосибирск)

В статье рассматривается реализация возможности саморазвития человека не просто как одна из важнейших задач образования, но и как проблема формирования философского мышления, единственно способного целенаправленно и осознанно формировать систему наиболее общих принципов, определяющих стратегию человеческой жизни.

Ключевые слова: образование, мышление, сознание, система, вербальное поведение, эффективная жизненная стратегия.

FORMATION OF PHILOSOPHICAL THINKING AND ITS VERBALIZATION IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM

N. S. Bazhutina (Novosibirsk)

In the article there is considered realization of the possibility of the person's self-development not simply as one of the most important tasks of education but also as a problem of formation of philosophical thinking, which is only capable of formation (in a purpose-oriented and conscious way) of the system of general principles which determine the strategy of human life.

Key words: education, thinking, consciousness, system, verbal behavior, efficient life strategy.

Как известно, образование не сводится ни к познанию, ни к практике, ни их сумме, поскольку знания играют вспомогательную роль средств образовательной деятельности, а основной целью и ценностью здесь является человек как культурное существо, целенаправленно инициируемое к саморазвитию. Всякая деятельность, будучи осуществленной и ставшей, фиксируется в определенных нормах и знаках, которые надо усвоить и освоить [4]. Без усвоения существующих образцов деятельности нельзя

Бажутина Нина Сергеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии факультета гуманитарного образования ГОУ ВПО «Новосибирский государственный технический университет».
630092, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, д. 20.
E-mail: kafedra@ngs.ru